

Генерал В. Н. фон Дрейер

НА ЗАКАТЕ
ИМПЕРИИ

Издание автора

Мадрид

1965

Автор, в чине капитана, в 1907 — 1910 г.г.
на службе у ген. Ренненкампа в Вильне.

ПРИЧИСЛЕНИЕ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ

Но вот кончилось почти трехлетнее обучение военным наукам, и началась служба «причисленного» к Генеральному Штабу молодого офицера.

Все мы за окончание получили следующий чин и, по существу закону, отправились сперва на лагерные сборы в округа, по своему выбору, дабы затем с осени начать прохождение стажа командования ротой. Офицеры кавалерии и конной артиллерии прикомандировывались к кавалерийским полкам, где им давали эскадрон.

Получив образование в пехотном училище, прослужив 4 года в артиллерии, я захотел пройти сборы в рядах регулярной конницы.

Сперва блестящие юнкера Николаевского Училища — «моншеры», затем элегантные кавалерийские офицеры — адъютанты Туркестанского Генерал-Губернатора, — были всегда предметом моей зависти. Теперь, когда представился случай, явившись в Штаб Виленского Округа, и проделав двухнедельную съемку в Литовских болотах, я просил о назначении меня в отдельную кавалерийскую бригаду в Борисов.

Разрешение было дано, и в конце июня 1903 года я явился к Командующему бригадой Генерал-Майору Ренненкампфу.

**

На всякого, кто видел Ренненкампфа в первый раз, он производил потрясающее впечатление. Выше среднего роста, атлетического сложения, с грудью циркового борца, громадными подъясниками, большими серыми глазами, звучным голосом, покрывавшим на учении звуки труб и конский топот, с двумя Георгиевскими крестами, только что полученными за китайский поход, Павел Карлович Ренненкампф являл собою совершенно законченный тип приращенного военного. Отлично образованный, числившийся по Генеральному Штабу, порою остроумный, необыкновенно жизнерадостный и почти всегда веселый, он поражал своей простотой с подчиненными, особенно с молодыми офицерами.

шаго внимания и редко с ней разговаривал. На одном из таких вечеров, во время танцев, она вдруг почувствовала себя дурно. Все заволновались, кинулись к Ренненкампфу, игравшему в карты.

Не вставая из за стола, не оборачиваясь, он только кинул своему адъютанту по хозяйственной части любимцу Сергееву:

— Михаил Иванович, отведите ее домой.

Дома она почти всегда и оставалась, посещая изредка лишь семью богатого помещика Колодеева.

Второму адъютанту Зарецкому, который часто бывал с докладами у Ренненкампфа и приглашался к столу, она рассказывала, что от скуки открыла раз ящик письменного стола генерала и увидела там в удивительном порядке папки писем, завязанных разноцветными ленточками. Это была переписка со знакомыми дамами. Открытие это произвело очень тяжелое впечатление на бедную оставленную дома Евгению Дмитриевну.

Помню, сообщал Зарецкий, как то за ужином Е. Д. спросила генерала — он был нумизмат, — что означает надпись на одной из монет: «не нам, не нам». Генерал ответил тоном раздражения: — «Не нам, не нам, а денщикам», очевидно желая отметить, что его жена была плохой хозяйкой с его точки зрения. Чувствовалось, что с каждым днем нарастало неудовольствие, и Ренненкампф редко оставался дома, покидал жену, отправляясь в соседний дом к полковнику Синицыну, где с его женой, крупной полной дамой, играл в винт. Года через полтора во время Р.-Японской войны последовал развод и он женился в четвертый раз в Сибири.

**
*

По окончании полковых и бригадных учений, начались малые маневры, для подготовки к большим, в районе Минска. Для меня лично все это было чрезвычайно интересно и ново. Полки оставались в поле почти целый день, а к вечеру наш небольшой штаб — три офицера и сам Ренненкампф — занимали в ближайшей деревне «халупы», где и располагались на ночлег.

Для дневки обыкновенно выбиралось местечко, или уездный городок, где отдых проходил довольно интересно. Хорошо пообедав, выпив по 2-3 рюмки водки и съев каждый

За всю свою долгую службу я не знал ни одного человека, который так бы любил свое военное дело. Чрезвычайно требовательный по службе, а это особенно чувствовалось старшими начальниками, Ренненкампф являлся непревзойденным учителем солдат и офицеров.

Но как у всякого, у него были, конечно, свои недостатки.

Например, он не отличался справедливостью и беспристрастностью и выискивал всякие способы, чтобы в конце извести своего подчиненного, который ему почему либо не нравился. Любимчиков, часто мало способных, он наоборот выдвигал.

Из двух командиров полков один, полковник Мезенцев командир Иркутского полка, милейший старик, пользовался, полной симпатией своего начальника, хотя службой себя не утруждал.

Второй — Трамбицкий — «Тромбон», как его за глаза называли, молодой, прошедший два курса Академии, отлично ведший свой Архангелогородский драгунский полк, был самый несчастный человек. Ренненкампф систематически отравлял ему существование. Дня не проходило, чтобы в приказе по бригаде не было какого либо язвительного замечания по адресу «Тромбона». И в конце концов бедный Трамбицкий не выдержал и ушел, получив другой полк.

Ренненкампф, в Борисове, ежедневно с утра выезжал на учение полков. К этому времени кончались эскадронные учения и начинались полковые и бригадные. Ренненкампф как вихрь носился по громадному Борисовскому плацу, отдавая приказания, делая замечания, и, под конец, переходя на немые учения — маневрирование по сигналам трубача.

С учения, в сопровождении дочери от второго брака, которая ждала отца на опушке леса вблизи плаца, Ренненкампф карьером мчался домой, рубя по дороге шашкой молодые сосны. «Рубка», а на ней были помешаны все, была излюбленным занятием Ренненкампфа после учения.

По вечерам, примерно раз в неделю, в полковых собраниях играла музыка, молодежь танцевала, Ренненкампф, приведя свою жену, это была третья, засаживался за карты.

История его женитьбы, за год перед этим, долго была притчей во языцех. Молодая, довольно красивая женщина, всегда молчаливая, она, несмотря на свое высокое положение — жены старшего начальника, — чувствовала себя какой-то потерянной среди общего веселья. В начале поражаало всех, что «молодой» муж не обращал на нее ни малей-

Генерал П. К. Rennenkampf.

с полсотни раков, а Ренненкампф мог съесть и полторы, мы выходили на прогулку.

Появление кавалерии в еврейском местечке, или городке, производило необычайную сенсацию. Молодые барышни облекались в свои праздничные платья и к вечеру выходили гулять по кругу в местном сквере или в городском саду.

Мы тоже прихорашивались, и Ренненкампф — колонновожатый — весело произносил: «Идем смотреть выводку кобылиц».

Девуцы сперва конфузились, затем делались более смелыми, и на громкие комплименты генерала хихикали и дарили его своей улыбкой. Расставив ноги, выпятив богатырскую грудь, на которой гордо красовались два белых креста, Ренненкампф не стесняясь делал комплименты.

— Посмотрите, какая красавица, а какие буфера! Ну а вот эта, — настоящий ганноверский гунтер Пальмгрена.

Поручик Пальмгрена, офицер Иркутского полка с большими средствами, ездил на великолепной кобыле — гунтере, бравшей высоченные препятствия, купленной в Германии за 1.500 рублей.

О менее красивых девушках, говорилось не громко, между собою, чтобы не оскорбить их слуха:

«Циферблат вот у этой брюнетки не плох, но ноги с козинцом».

**

В конце августа начались большие маневры, продолжавшиеся около недели, где Ренненкампф со своей бригадой конницы проявил все качества превосходного кавалерийского начальника, что и было отмечено главным руководителем генералом фон дер Лауницем, во время разбора.

Я с сожалением покидал Борисов и офицеров кавалерии, среди которых нашел новых друзей, особенно в лице П. К. Ренненкампфа. Мы очень подошли друг к другу, несмотря на разницу лет и чинов. Провожая меня, он несколько раз повторял, что в будущем будет всегда рад служить со мною. Судьбе было угодно, чтобы я снова с ним встретился через 3 года в Вильне, когда он принял 3-й армейский корпус, вернувшись с Японской войны.

С особенно теплым чувством вспоминаю одного из приятелей, Иркутского гусара, адъютанта Штаба Ренненкампфа, Поручика Николая Васильевича Зарецкого.

До моего приезда в Борисов, он исполнял вакантную должность офицера Генерального Штаба и, будучи человеком умным и образованным, легко справлялся со своими обязанностями. — Глядя на Зарецкого, трудно было себе представить по всей его внешности, довольно небрежной экипировке, что это гусар, каковым гусар должен быть: рубака, кутила, «лошадник», бретер, любитель женщин.

В его мешковатой фигуре чувствовался скорее чиновник Губернского правления, а не бесшабашный кавалерист. Импонировал Зарецкий не своим мало воинственным видом, но природным добродушием, скромностью, спокойствием, вкрадчивым голосом и самоуверенностью в своих суждениях, особенно если это касалось искусства.

Талантливый художник новейшей в то время школы импрессионистов, что он доказал позже, будучи в эмиграции в Чехословакии, где стоял во главе русских художников. Молодой Зарецкий пользовался в Борисове всеобщим уважением как хороший товарищ и превосходный рассказчик.

В последний раз в России мы встретились с ним в 1919 году в Ялте, в Крыму, куда устремились многие, бежавшие от большевиков. — Случайно пришлось узнать, что Зарецкий благополучно перебрался из «гостеприимной» Чехословакии во Францию, и бывал довольно частым гостем у известного писателя В. П. Крымова на его вилле под Парижем*.

---

* Дни свои Зарецкий закончил в старческом доме в городке Cormeilles en Paris в 1962 году, где я его дважды навещал.

СЛУЖБА В ВИЛЕНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ. НАЧАЛЬНИКИ, СОСЛУЖИВЦЫ, ЗНАКОМЫЕ.

Прошел праздник, наступили будни. Надо было снова начинать службу Его Императорскому Величеству.

Виленский военный округ, в штаб которого я перевелся, покинув Туркестан, являлся вторым, после Варшавского, по своему значению на территории Российского Государства. Граница с Германией, его войска должны были первыми, в случае войны, открыть военные действия. Так оно впоследствии и произошло, когда армия Ренненкампа, после короткой мобилизации, вторглась в пределы Восточной Пруссии в 1914 году.

Штаб состоял из нескольких отделений, во главе их находились офицеры Генерального Штаба; и также отделов, где работа была поручена офицерам не академикам, имевшим специальную штабную форму, с красными околышами на фуражках, и носившим кличку «краснокожие». В отместку, генштабисты презрительно назывались «моментами».

«Момент назрел» — любили говорить профессора в Академии на лекциях Истории Военного Искусства, описывая сражения, где великие полководцы — Ганнибал, Юлий Цезарь, Наполеон угадывали момент, дабы нанести противнику решительный удар. Отсюда и пошла эта кличка — «моменты».

Во главе штаба стоял генерал Рузский, болезненный, геморроидальный старик, не обходившийся без сестры милосердия еще в Японскую войну. Он считался хорошим стратегом и сделал блестящую карьеру в большую войну, где под конец командовал Северным фронтом. В момент революции он, подобно Брусилову, подписался под телеграммой Великого Князя Николая Николаевича, просившего Государя отречься от престола.

Бедный Рузский закончил трагически свое земное существование. Ранней весной 1918 года, в самом начале гражданской войны, он, в числе 140 человек, с Радко-Дмитриевым, генералами, офицерами и лицами старой аристокра-

тии, был арестован в Пятигорске. Их всех раздели, оставив лишь нижнее белье, отвели, по снегу, в стужу, за несколько верст, к подножию Машука; одного за другим рубили пашками и бросали в вырытую яму. Когда большевики были изгнаны с Кавказа, могилу разрыли, трупы похоронили со всеми почестями, предварительно их сфотографировав. Как иллюстрация зверства большевиков фотографии Рузского и Радко Дмитриева были выставлены в Штабе Главнокомандующего Белой Армией Деникина.

Рузского, на посту Начальника Штаба Виленского Округа, после Литвинова, сменил Сиверс. Это был представительный генерал, человек довольно безцветный, но с очень властной женой, которая командовала и мужем и его штабными. Она любила приемы, их обязательно должны были посещать офицеры генерального штаба; нерадивые рисковали своей аттестацией; «краснокожих» она игнорировала.

На войне Сиверс выдвинулся до Командующего армией, но продержался недолго, и за разгром в Августовских лесах 20-го корпуса, входившего в его X армию, был отчислен в резерв чинов.

В конце февраля 1915 года, в приемной Главнокомандующего Западным фронтом, куда я был вызван для доклада, как единственный офицер Генерального Штаба, не сдавшийся в плен в Августовских лесах, Сиверс бросился мне на шею и зарыдал как ребенок, доказывая, что он к гибели 20-го корпуса совершенно не причастен.

В 1909 году, Сиверса сменил на посту Начальника Штаба — Генерал-Квартирмейстер того же Штаба Преженцов.

Назначение Преженцова было совершенно непонятно и неожиданно. Говорили, что он выслужился у Мадам Сиверс и был всецело ей обязан своим назначением. Это был неприятный, мстительный человек, с большим самомнением, интриган, известный только тем, что в чине полковника издал карты Польши крупного масштаба с заголовком: «Издание Преженцова и Кайгородова». На этих картах в полках делались тактические задачи, и польские названия некоторых деревень неизменно приводили молодежь в веселое настроение. Руководитель говорил:

— Поручик, Ваша рота заняла на ночлег Серадзь, разъезды противника замечены у деревни Высерадзь, что Вы будете делать?

— Я выставлю сперва на опушке Серадзя сторожевое

охранение, господин Полковник, и утром атакую Высерадзь.

Общее оживление и смех.

Преженцова не любили, и иначе, как «Дунька», за глаза не называли. Женат он был на очень молодой, красивой и гостеприимной женщине. Она любила приемы, любила немного пофлиртовать, но до смерти боялась своего мужа. На пасхальном приеме Мария Александровна мило угощала визитеров и кокетливо говорила:

— Возьмите этот апельсин — это вкусно.

Случилось, что проезжая, однажды, по улице в казенном экипаже, она увидела влюбленного в нее «момента», и предложила прокатиться. На беду, «Дунька» раньше времени вышел из Штаба и увидел свою жену. Бедная Мария Александровна, со страху, чуть не вывалилась из коляски. А офицеру, на следующем у них приеме, Преженцов, в присутствии жены, грубо заявил:

— Я покорнейше Вас прошу у нас больше не бывать!

В те же самые годы, во главе 3-го армейского корпуса стоял генерал Ренненкампф. Так как все высшие назначения в округах делались по представлению Командующего войсками и с доклада Начальника Штаба, Преженцов считал свою позицию выше поста корпусного командира, и при всяком удобном случае старался сделать какую-нибудь каверзу Ренненкампфу.

Друг ко другу они питали жгучую ненависть, и как только Ренненкампф в 1913 году был назначен Командующим войсками того же округа, он немедленно отчислил Преженцова. В отличие от общего правила, Преженцов вместо корпуса получил пехотную дивизию. С этой дивизией, — включенной в армию Самсонова, он вышел на войну и закончил свою военную карьеру в немецком плену, где, кажется, и умер.

**
*

Служба в Штабе, особенно в мобилизационном отделении, куда меня назначили, была совершенно мне не по душе. Стоило учиться в Академии, чтобы с 10 час. утра до 4 дня ежедневно считать какие-то телеги, лошадей, запасных солдат, которые, к такому-то часу, из такого-то уезда, волости и деревни должны были прибыть на сборные пункты. И затем вносить в журнал входящие и исходящие бумаги; — это мог делать любой чиновник, или «краснокожий», без

специального образования. И я только и мечтал, чтобы при случае перевестись в Штаб корпуса или дивизии, для более интересной полевой службы.

Перспектива превратиться в Куртелиновского, "rond de cuir" мне совершенно не улыбалась.

В начале 1907 года в Вильну приехал из Сибири генерал Ренненкампф. Встреча с ним была самая сердечная, и он немедленно мне предложил место старшего адъютанта в Штабе 3-го корпуса — его корпуса, расположенного в Вильне.

Ренненкампф совершенно не изменился за четыре года; я его видел в последний раз перед Японской войной в Борисове, где он командовал Отдельной Кавалерийской бригадой. Он остался, несмотря на ранение на войне, таким же жизнерадостным, полным энергии, здоровым и исключительно выносливым, как и раньше. К его двум георгиевским крестам, за Китайский поход 1900 года, прибавилось только георгиевское золотое оружие, Анна на шею и пожалованный пожизненный мундир Забайкальского казачьего войска. Будучи сам офицером Генерального Штаба, Ренненкампф неизменно носил теперь казачью форму с желтыми лампасами, и вскоре в войсках его иначе как «желтая опасность» не называли. Он это знал, и этой кличкой гордился.

Моя 4-летняя служба с таким талантливым учителем и военным, как Ренненкампф, явилась для меня прекрасной школой для всей моей дальнейшей карьеры офицера Генерального Штаба. Она помогла мне быть военным корреспондентом «Нового Времени» на трех войнах — итальянской и двух балканских, а на великой войне — не теряться ни при каких обстоятельствах.

Кипучая деятельность Павла Карловича Ренненкампфа началась с первых же дней его командования. Он поставил себе целью довести подготовку своего корпуса к будущей войне до такой высоты, чтобы корпус этот был лучшим в целом округе, чтобы все полки, как пехотные, так и кавалерийские, в соревновании друг с другом, были сверх отличными в стрельбе, маневрировании, и знали, начиная от солдата до старшего командира, что придется делать, чтобы побить немцев в возможной будущей войне.

И он этого достиг. О 3-м армейском корпусе знали далеко за пределами округа, знали в Петербурге; о Ренненкампфе узнал Государь.

Флигель-адъютанты, князя Белосельский-Белозерский и Долгорукий, командовавшие по очереди 3 драгунским

Новороссийским полком в Ковне, создали Ренненкампфу блестящую рекламу. И в 1913 году, за год до Великой войны. Ренненкампф, несмотря на все препятствия Сухомлинова — военного министра, получил золотые аксельбанты генерал-адъютанта Его Величества и пост К-щего войсками Округа.

Дольше 3-4 дней Ренненкампф не мог усидеть на месте. Зайдет бывало в свой штаб, поздоровается со всеми, выслушает доклад н-ка Штаба Чагина и затем скажет:

— Собирайтесь, в три часа едем к гусарам.

Гусары — 3 Елизаветградский полк — стояли в Мариамполе, в одном переходе от германской границы, против личного имения Кайзера «Роминтен», куда тот ежегодно ездил на охоту.

На ближайшей железно-дорожной станции Вильковишки полковой экипаж уже ждал приезда командира корпуса. Двадцать верст по стратегическому, ровному как скатерть шоссе, тройка проносила чуть ли не в час, и подкатывала к офицерскому собранию, где на крыльце уже стоял командир гусарского полка с адъютантом и дежурным по полку.

Офицеры ждали в большой гостиной. А в столовой суетились солдаты-лакеи, накрывали стол к ужину, несли закуски к водке, в ведрах со льдом красовались бутылки с шампанским. Русское гостеприимство требовало, чтобы почетный гость не лег спать с пустым желудком. Гость это знал, и, за дружной беседой, «тянувшейся далеко за полночь», ел и пил не меньше любого корнета.

— Первое время, пока его хорошо не узнали и к нему не привыкли, держали себя с Ренненкампфом очень сдержанно, отвечая: «так точно, никак нет». Его Георгиевские кресты и золотое оружие, желтые лампасы, зычный голос, богатырское сложение — вызывали зависть и уважение.

Но спустя год, молодые офицеры носили его чуть ли не на руках, солдаты любили, и чувствовали, что это настоящий командир, — «за ним не пропадешь».

В один из приездов в тот же гусарский полк, когда уже основательно влили в себя и начались неизбежные тосты, однажды выскочил из-за стола бравый штабс-ротмистр Небо, и, встав против Ренненкампфа, заговорил:

— Ваше Превосходительство, я не «мыловар», и потому смело заявляю, что мы все Вас искренно любим, верим Вам и знаем, что с Вами, весь наш полк, куда бы Вы нас ни повели, пойдет с радостью и без колебаний...

Говорил недолго, но искренно, говорил что думал и, бу-

дучи очень хорошим офицером, и притом богатым, не заискивал перед своим корпусным командиром.

Ренненкампф, привыкший уже, что ему курят часто фи-миам, был все же удивлен и даже сконфужен, когда вслед за Небо, встал со своего места сам Начальник дивизии, генерал лейтанант Шейдеман, и с дрожью в голосе, начал:

— Ваше Превосходительство, я тоже не мыловар, но смею Вас заверить, что вся моя дивизия, как один человек, по одному Вашему слову... и пошел, и пошел кадить долго и основательно.

Павел Карлович слушал, опустив глаза, и поблагодарил, когда тот кончил, за доверие.

На следующий день когда мы возвращались в Вильну, потягиваясь на кушетке в своем купэ, Ренненкампф со смехом заметил:

— А здорово Шейдеман варил мыло.

Посещая части своего корпуса, Ренненкампф обыкновенно не говорил, что он будет смотреть: будут ли это тактические занятия, или маневр всему полку, отдельному эскадрону, роте или просто проверка действий разъезда, в обстановке военного времени.

Если он приезжал вечером и засиживался за ужином, а потом играл до 2-х часов в карты (он любил винт, и играл очень хорошо), — его совершенно не смущало, покинув собрание, немного вздремнуть, и на рассвете начать смотреть.

В 5 часов утра, — на дворе еще темно, — а Ренненкампф уже насвистывает кавалерийский подъем: «всадники, други, в поход собирайтесь»...

На несмелое мое замечание:

— Ваше Превосходительство, ведь можно было бы еще немного поспать, — слышится резкий окрик:

— В гробу выспитесь; зовите дежурного трубача, велите играть тревогу.

И вот сразу забежали солдаты, помчались в конюшни седлать лошадей, полным походным вьюком, заспанные офицеры, не умываясь, кинулись к своим эскадронам.

Ренненкампф стоял уже на плацу, с часами в руках, рядом с ним дежурный по полку офицер, и наблюдал в каком порядке, и как скоро соберется весь полк с командиром во главе, пулеметной командой и обозом. Сбор по тревоге проходил обычно без сучка и задоринки; не явившиеся после

кутежа офицеры отправлялись в тот же день под арест. Затем начинался маневр, или делался пробег в 40-50 верст.

После маневра, тут же в поле собирались все офицеры, и начинался весьма обстоятельный разбор. За одно хваил, другое бесцеремонно, критиковал, до разноса и выговора в ближайшем приказе по корпусу.

В отличие от большинства старших начальников, все отчеты о своих смотрах Ренненкампф писал лично сам. Было настоящее несчастье расшифровывать для печатания его каракули. Начальник Штаба Чагин беспомощно разводил руками, не понимая ни слова; во всем штабе было только два натасканных специалиста.

**
*

Елизаветградский гусарский полк был одним из лучших полков 3-й кавалерийской дивизии. Ренненкампф, в недалеком прошлом, сам Ахтырский гусар, к нему особо благоволил. Но в один прекрасный день у Елизаветградцев произошло ужасное событие. Зверски был убит Командир полка барон Крюденер. Убит в своей постели, зарубленный его собственной шашкой.

В 7 часов утра к адъютанту Штабс-Ротмистру Пономареву вбегает перепуганный денщик Крюденера.

— Ваше Благородие, наш командир убитый. Так что я пошел будить Его Высокоблагородие, а они лежат весь в крови.

Адъютант бросается в дом своего командира и не верит своим глазам; — они вчера только втроем ужинали здесь, в квартире: барон, он и ротмистр Нереновский.

В спальне на постели, окровавленный, с открытыми от ужаса глазами, со скрюченными, надрубленными во многих местах руками, тремя отрубленными пальцами, лицом, исполосованным шашкой, лежал труп командира полка.

На залитом кровью ковре валялась окровавленная шашка, а на ночном столике лежал браунинг.

Первое впечатление, при осмотре квартиры, где в кабинете барона и будуаре баронессы, были открыты ящики и все перерыто, указывало на истинные мотивы преступления. Непонятно было лишь зверство и остервенение, проявленное грабителем. Явился военный следователь, начался основательный допрос денщика, стали восстанавливать картину преступления. Ничего не нашли. Денщик твердил все одно

и то же. Что он ничего не слышал, ничего не знает. Обыскали весь полк, опросили всех дежурных, — никто ничего не видел и не слышал. Следователь уехал.

Не успокоились только командир I-го эскадрона Нереновский и полковой адъютант. Они нередко замечали и теперь вспоминали с какой ненавистью смотрел денщик иногда на своего командира, когда тот его за что-нибудь ругал, и при этом щелкал по носу пальцем.

В течение нескольких дней Нереновский допрашивал солдата и так его замучил, что тот наконец сознался:

— Нечего запираться, Ваше Высокоблагородие, я убил командира, и я взял вещи. И все подробно рассказал.

В ту ночь, после ужина, когда командир ушел к себе и солдат услышал, что он спит, он тихо прокрался сперва в будуар баронессы — она находилась у себя в имении, — взял все, что нашел из драгоценностей, затем заглянул в спальню своего барина. Барон спал; в спальне было темно. Солдат начал искать золотой портсигар и часы, которые всегда лежали на ночном столике.

В это время Крюденер проснулся и закричал: «кто тут», и зажег свет. Перепуганный денщик бросился к стене, где висела коллекция оружия, схватил кавказскую шашку командира и, прежде чем тот успел протянуть руку к револьверу, солдат нанес ему первый удар. Затем, видя, что все пропало, в иступлении начал рубить своего командира. Тот пытаясь, видимо, вырвать у солдата шашку, порезал себе до костей руки, получил несколько смертельных ран и скончался.

Денщик ушел к себе, тщательно вымылся, переменял забрызганный кровью мундир, зарыл в землю вещи, открыл в спальне окно, чтобы симулировать преступление, и через 3 часа побежал к адъютанту.

На следствии он держался смело, и все твердил, что он убил своего командира потому, что «их Высокоблагородие надо мной всегда измывались», и указал, где были спрятаны вещи. Командир корпуса подтвердил приговор полевого суда: солдат был расстрелян взводом своего эскадрона. После чего, на полковом плацу в вырытую яму бросили его труп, яму засыпали, и весь полк прошел церемониальным маршем над его могилой.

В том же гусарском полку случилась однажды совершенно невероятная история.

Поручик 3-го эскадрона Старицкий, скромный, хороший

офицер, не плохой служака, страдал одним недостатком — любил выпить. Особенно он любил холодную водку, под хорошую закуску. А какой гусар этого не любил?

Только у Старицкого все выходило довольно глупо: он, что называется был на взводе, еще не садясь за стол. Про него и сострил, однажды, Обошешев: «Старицкий уже к супу не годится».

Генерал Обошешев, его начальник дивизии, сам был если не пьяницей, то во всяком случае серьезным служителем Бахуса. Он хорошо рассказывал анекдоты, еще лучше играл в карты; говорили, что однажды, в молодости, играя в «железку» в Купеческом клубе, он снял банк в 100 тысяч рублей, и с тех пор бросил навсегда азартную игру и перешел на винт. Служба его не тяготила, он ею не увлекался; но с Ренненкампом шутить было нельзя, особенно старшим начальникам, и он ушел скоро в отставку.

Елизаветградский полк справлял свой полковой праздник. Собрались старые гусары, служившие в полку, был приглашен Сувалкский губернатор, командиры вблизи расположенных полков, и конечно, генерал Обошешев со своим штабом. После торжественной службы в полковой церкви, церемониального марша и здравий за Императорскую фамилию и старших начальников, гости прошли в собрание. Началось пиршество, играли трубачи, было уютно, весело, непринужденно, как всегда на полковых праздниках.

Подальше от начальства, в конце стола, сидел поручик Старицкий и возле него, случайно, оказался подполковник интендант 3 кавалерийской дивизии, симпатичный, серьезный человек, с усами и длинной бородой.

Старицкий, уже основательно заложивший за галстух, начал ухаживать за интендантом, подливая ему все время водку и шампанское и, под конец завтрака, выпил с ним на брудершафт. Неожиданно Старицкому пришла в голову, «блестящая» мысль. Он встал из-за стола, вышел из столовой, затем вернулся и сел на свое место.

Воспользовавшись минутой, когда интендант начал клевать носом, Старицкий, вытащил из кармана громадные ножницы и — раз! — отхватил интенданту его бороду. Тот очнулся, дико закричал, полез в драку. Общий скандал.

Сконфуженный и возмущенный командир полка немедленно отправил Старицкого под арест; оскорбленный интендант поспешил покинуть собрание.

Через два дня состоялась дуэль. Убитых и раненых не

оказалось, но Старицкого попросили уйти. Для гусарского полка, имени Ее Императорского Высочества Великой княжны Ольги Николаевны, он не годился.

**
*

В течение моей четырехлетней службы в штабе Ренненкампа, во главе этого штаба стояли сперва барон Иксуль фон Гильденбанд, затем Владимир Александрович Чагин.

Худой, высокий, очень породистый, всегда спокойный, полу-немец, полу-русский, барон Иксуль терпеть не мог военного дела, в штаб заходил часа на полтора, около полудня, подписать бумаги, а затем шел в Георгиевскую гостиницу завтракать. Это был наиболее посещаемый отель города, в нем останавливались все богатые польские и литовские помещики; он славился своим прекрасным, очень не дорогим рестораном, а главное — квартетом талантливых музыкантов, окончивших консерваторию. Рояль, фисгармония, скрипка и виолончель производили эффект целого оркестра; и, в зависимости от присутствующей публики, квартет исполнял очень серьезные вещи, до симфоний включительно, или развлекал кафе-шантанной программой.

Барон почти всегда находил в Георгиевской приятелей помещиков, — у него самого было прекрасное имение возле Свенцяна, — засиживался с ними часами, потягивая свой излюбленный Niersteiner.

Вечера он неизменно проводил в Дворянском клубе, где играл в карты, ужинал и продолжал пить свое немецкое вино. Он долго не мог выдержать характера своего беспокойного начальника и, хотя Ренненкампа никогда его не тревожил, не заставлял носиться с ним по смотрам и маневрам, барон скоро ушел в отставку и поселился в своем имении.

**
*

На смену явился Владимир Александрович Чагин, только что откомандованный пехотным полком в той же Вильне.

Забавный человек был этот Чагин. Точно в 9 часов, открывалась дверь, и в штаб входил высокий, здоровенный, с круглым лицом, усыпанным веснушками, и неизменной дешевой сигарой во рту, Начальник Штаба:

— Здорово писаря!

Затем обходил отделения, любезно пожимал руки офицерам, шел в свой кабинет, и принимал доклады по строевой, а затем хозяйственной части.

К 12 часам, он неизменно подходил к телефону, крутил ручку и нежным голосом, совершенно не подходящим к его грузной фигуре, произносил:

— Это я, начальник штаба; Суса это ты? Я не слышу, это ты? А что к обеду?

Поговорив со своей женой Сусанной Петровной, Чагин довольный, возвращался в свой кабинет, где дым стоял столбом от его Лафермовских сигар. Не зная, чем заняться (доклады были приняты), он что-то просматривал, затем к часу дня входил радостный к нам в отделение, прощался и произносил:

— С миром изыдем.

При посещении Штаба Командиром Корпуса, Владимир Александрович принимал необыкновенно деловой вид, и всей своей фигурой показывал, что он завален работой. Особенно он суетился на маневрах, хотя и там у него работы было не много: директивы шли от Ренненкампа, диспозиции писал штаб-офицер Радус Зенкович, и он же большей частью, все доклады делал непосредственно командиру корпуса. Чагин только присутствовал и вставлял свои замечания.

Как то, во время перерыва на маневрах, мы сидели у себя в «халупе» и после обеда тянули бенедиктин, запивая его кофе. Я без церемонии пошел к Ренненкампу, и пригласил его. Через пол часа входит Чагин, останавливается на пороге в недоумении, от приглашения отказывается и уходит.

Затем вызывает меня к себе и мягко, — он никогда не возвышал голоса, — выговаривает, что на маневрах пить не полагается, особенно «спаивать» командира корпуса и торжественно заканчивает:

— Рюмка белого вина... и светлая голова.

Эта сакраментальная фраза сделалась настолько популярной, что все, кто о ней слышали, не могли без улыбки уже отделить Чагина от рюмки белого вина и свежей головы. А карриатура, нарисованная с необыкновенным талантом, капитаном Гончаренко, в эмиграции генералом и писателем, под псевдонимом Галич, карриатура Чагина с рюмкой вина и светлой головой, — ходила в Вильне по рукам.

Над добрым, беззлобным Чагиным не мало подтрунивали. Говорили, что будучи здоровяком гимназистом 5-го

класса, он так страдал головными болями, что доктора попросту послали его в публичный дом. Другого средства они не нашли; и он регулярно, каждую субботу, получал от отца по одному рублю.

Супруга милейшего Владимира Александровича, довольно интересная дама, хорошо сложенная, не глупая, немного косящая, что не отнимало у нее известного шарма, Сусанна Петровна немного флиртowała, но делала это вполне прилично; повидимому оба были довольны друг другом. Она получала цветы от земского начальника грузина Мачутадзе, красивого наглого брюнета; бывала у Шумана с Губернатором Любимовым, где ела устрицы; часто прогуливалась по Георгиевскому проспекту с директором польского банка. Этот длинноносый поляк помогал Сусанне Петровне подрабатывать на бирже, и был наиболее усердным ее поклонником.

Встречая мадам Чагину на улице, в военном собрании, или у ее приятельницы княгини Щербатовой, можно было заранее сказать, что она заговорит о Ялте.

— Ах, я еду скоро в Ялту. На бархатный сезон я непременно буду в Ялте проходить виноградное лечение.

И ездила действительно, почти каждый год.

**

Княгиня Щербатова появилась в Вильне в конце 1908 года. Старый князь, широкий русский барин, вдовец, бездетный, командовал корпусом в Гродне. Выйдя в отставку, он прожил недолго, но перед смертью успел жениться на своей экономке, оставив ей деньги, богатую обстановку и громадное имение в Пинском уезде с болотами и лесами.

Вновь испеченная княгиня быстро сообразила, что литовская столица более интересна, чем провинциальный, незначительный Гродно, переехала в Вильну, сняла большую квартиру и повела очень светский образ жизни. Это была не глупая женщина, полька, большая, полновесная, с пышной грудью и поверхностным образованием.

Все эти подробности были, однако, вскоре забыты, благодаря ее гостеприимству, хорошему повару и старым винам из погребов покойного князя.

Большие обеды, на 10-12 персон, чередовались с малыми интимными приемами — «парти-каррэ», где бывали только